

М
Д-72

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
ПОД КРОВАТЬЮ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МР2
72

ВИКТОР
ДРАГУНСКИЙ 2100

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
ПОД КРОВАТЬЮ**

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, а тут ещё папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло и много народу: пришла Алёнка, за нею Костик с Андрюшкой — и очень скоро нас собралась целая компания. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Алёнка вдруг сказала:

— А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой всё время подстраивали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Алёнке, а сами всё время прятались. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная. В конце концов, мы стали потихоньку выплёскиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий, длинный коридор квартиры.

В коридоре было лучше играть в прятки, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было гораздо лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уж конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марьсемёниной шубой и встал на валенки как раз под шубой.

И вот, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все метнулись в разные стороны. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считается как второй звонок. Мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка недолго думая полез под шубу Марьи Семёновны. Я хотел дать Андрюшке подзатыльник, чтобы он освободил моё место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

— Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас засалит, потому что я совершенно не спрятался.

Я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И вдруг я увидел раскрытую дверь, и я в неё вскочил. Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать.

Там был приятный полу-

мрак и довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель разных фасонов, но все довольно старые, а ещё стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто кверху тормашками, и я устроился очень удобно: голову — на корыто, чемодан — под поясницу, очень ловко и уютно.

Я рассматривал разные тапочки и шлёпанцы и всё время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдёт. И я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до земли и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдёт.

Но в это время в комнату вошёл никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу. Она вошла, вытирая руки о полотенце; волосы у неё были зачёсаны наверх, сверху был такой

волосной рог или шиш — не знаю, как называется такая причёска. В общем, очень некрасиво.

Вот она вошла в комнату и повесила полотенце на крючок. Я всё время потихоньку наблюдал за нею из-под кровати, потому что я думал, как она обрадуется, когда увидит, что Костик тащит меня из-под кровати. А я ещё для смеху возьму какую-нибудь её туфлю в зубы — она тогда наверняка скиснет

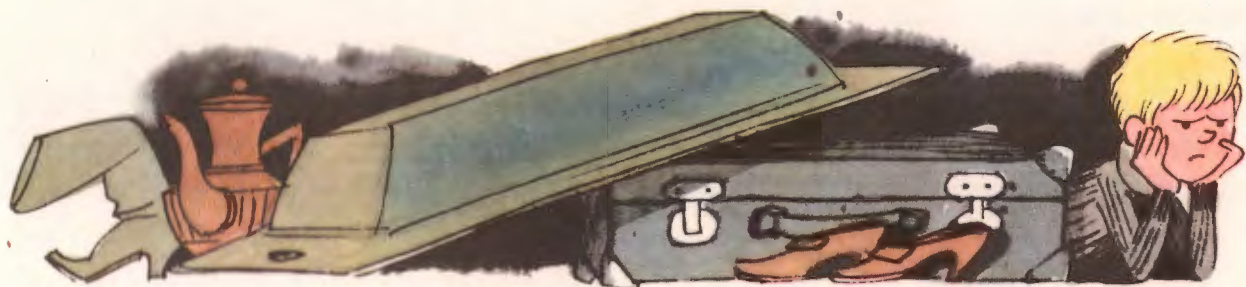
со смеху. И так мне было тепло и уютно лежать под кроватью и слушать, как ребята топают в коридоре. У меня было чудесное настроение! И я всё время поглядывал на Ефросинью Петровну.

А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула дверь. А потом — глянец-глянец! — повернула ключик, и готово! Заперлась. Ото всех за-

перлась! Вместе со мной и корытом. Заперлась на два оборота. В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще! Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку и сейчас отойдёт дверь, и всё пойдёт как по маслу. Поэтому я хотя и оробел, но не до конца и всё продолжал поглядывать на Ефросинью Петровну: что же она будет делать дальше?

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел её ноги, как она одну за другой скинула туфли и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце. Я был уверен, что она сейчас отойдёт замок, а она — чик! — и погасила свет. Я услышал, как опять завывали пружины над моей головой, и кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью, и я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке — хуже, чем в тюрьме! Дверь заперта, свет погашен, а я под кроватью!

Под кроватью надолго! Навеки! Навсегда! Сколько я буду так лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой целую ночь, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придёт с собакой-ищейкой. По имени Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдёт? А если Ефросинья Петровна проспит до самого утра, а утром пойдёт в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрёт меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из её буфета, и когда она придёт, придётся мне лезть под кровать, потому что я съел её продукты и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под

кроватью целую вечность? Ведь эта Ефросинья Петровна свободно может ещё двадцать лет прожить на этом свете! А я? Двадцать лет под кроватью? Ведь это самый настоящий кошмар!

Тут я не выдержал и со злости так трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова. Раздался ужасный грохот. И в этой страшенной тишине, при погашенном свете и в таком моём жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее: он просто оглушил меня, как взрыв или как обвал в горах — трах-барабах! И у меня сердце замерло от испуга.

А Ефросинья Петровна надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйста — тах-тах из-под кровати. Вот она когда проснулась, испугалась, полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

— Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там караул? Спите дальше, это я, Дениска!» Я всё это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да ещё с хвостиком: «Апчх! Чхи! Чхи! Чхи!..»

Там, наверное, пыль поднялась, под кроватью-то, ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чихания убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное, здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

— Караул!

И я, совершенно непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так: «Апчхи-уу!»

Ефросинья Петровна как услышала этот вой, так закричала ещё тише и слабей:

— Грабят!..

И, видно, сама подумала, что если грабят, так это ничего. Подумаешь, отнимут шлёпанцы или жакетку — это ерунда, не страшно. А вот если с ножом!.. И тут она довольно громко завопила дребезжащим голосом:

— Режут!

Вот какое враньё! Кто её режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она всё равно не спит, мне надо вылезать! Больше, чем сейчас, она не испугается. И всё подо мной загремело, особенно корыто, — ведь я же в темноте не вижу; грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

— Грабаул! Караулят!

А я выскочил и по стене шарю, где тут выключатель, и нашёл вместо выключателя ключ и обрадовался, что это дверь, и отпер этим ключом, но это оказалась дверь от шкафа, а я этого не знал и перевалился через порог этой двери и стою и тычусь в разные стороны и только слышу, как мне на голову разное барахлишко падает. И Ефросинья Петровна пищит, и я совсем онемел от страха, а тут кто-то забарабанил в настоящую дверь:

— Эй, Дениска! Выходи! Сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришёл!

И папин голос:

— Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?
Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате — меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

— Что с тобой было? Где ты пропадал?

И Костик и Мишка сказали тоже:

— Где ты был, что с тобой приключилось?

— Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, будто я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

Цена 19 коп.

Рисунки В.ЧИЖИКОВА

Для дошкольного возраста

Виктор Юзефович Драгунский

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОД КРОВАТЬЮ

Ответственный редактор *Л. Я. Либет*. Консультант по художественному оформлению *С. М. Аллинский*. Технический редактор *Л. П. Костинова*.
Корректор *Э. Л. Лофенфельд*.

Сдано в набор 11/1 1973 г. Подписано к печати 29/VIII 1973 г. Формат 60×90¹/₈. Бум. офсетн. № 1. Усл. печ. л. 2. (Уч.-изд. л. 2,21). Тираж 300 000 экз.
Заказ № 204. Цена 19 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Д $\frac{0761-025}{101(03)73}$ 054-73

